

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81`27

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

О НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – понятия «теория перевода», «переводческая концепция», «переводческая традиция» «взгляды на перевод» и др., используемые в трудах по истории перевода и переводческой мысли и рассматриваемые в различных аспектах. Отмечается, что в ряде случаев наблюдается определённое несовпадение в понимании указанных терминов, следствием чего является различная их трактовка в переводоведческих трудах. В связи с этим проводится анализ названных понятий (главным образом, применительно к средневековой эпохе) и предпринимается попытка установить присущую им специфику.

Ключевые слова: перевод, традиция, концепция, теория, взгляд, история, межъязыковой.

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

SOME NOTIONS OF THE DIACHRONIC TRANSLATOLOGY

Abstract. Some aspects of the notions 'the theory of translation', 'the conception of translation', 'the translational tradition', 'the views on translation', etc., used in the research on history of translation and translational thought, are discussed in the article. It is mentioned, that some authors don't make any substantial differentiation between these terms, so they may have different meaning in translatology studies. The present paper represents an attempt to analyze the mentioned terms and to establish their specificity, mainly with reference to the Middle Ages period.

Key words: translation, tradition, concept, theory, view, history, interlingual.

Традиционно при рассмотрении состава и структуры переводоведения как научной дисциплины в нём принято выделять особый раздел, предметом которого является изучение эволюции перевода и переводческой мысли в ходе

их исторического развития. По аналогии с существующей лингвистической терминологией, указанный раздел в настоящей статье предлагается именовать *диахроническим переводоведением*.

Понятно, что, как и любая отрасль знания, названный раздел должен

иметь в своём распоряжении определённый понятийно-категориальный аппарат, позволяющий исследовать свой объект с необходимой при любом научном анализе строгостью. Однако можно заметить, что ряд терминов, используемых в трудах, относящихся к данной сфере, может интерпретироваться по-разному, что, в свою очередь, приводит к неоднозначному их пониманию и, соответственно, вызывает связанные с этим дискуссии.

Начать предлагаемую статью нам представляется целесообразным именно с упоминания о такой заочной дискуссии, состоявшейся в последней четверти прошлого века по одному, на первый взгляд, весьма частному вопросу между чехословацкой исследовательницей древнерусской литературы С. Матхаузеровой и основоположником лингвистической теории перевода в России А.В. Фёдоровым.

Основной пафос С. Матхаузеровой по интересующему нас вопросу состоял в опровержении традиционной точки зрения, согласно которой «в истории древнерусской культуры – в отличие от западноевропейской – не сохранилось определённым образом сформулированных высказываний, которые отражали бы систему взглядов на перевод» [10, с. 38]. «Теория перевода, – возражала исследовательница, – была одним из наиболее обсуждаемых теоретиками вопросов в древнерусской культуре <...> Она сопровождала богатую переводческую деятельность с самого начала по XVIII в., и была разработана до тонкостей, характерных для средневекового чуткого отношения к слову <...> Вопреки некоторым утверждениям <...> в русской истории культуры име-

ются доказательства того, что переводчики знали и соблюдали определённый канон переводческих правил и что они осознавали связь этих правил с более основательными вопросами, касающимися уже самой теории перевода» [6, с. 27–28].

Соглашаясь со своей коллегой по существу, А.В. Фёдоров, тем не менее, счёл необходимым оговорить: «Автор (С. Матхаузерова. – И.Ф., Г.Х.) широко пользуется термином «теории», говоря о воззрениях на перевод в древней Руси... Представлялось бы более уместным, во всяком случае – более осторожным пользоваться понятием «нормативной переводческой концепции» или просто «взглядов на перевод» (во избежание модернизации)» [10, с. 39]. О теории же перевода в собственном смысле слова А.В. Фёдоров считает возможным говорить только начиная с XX столетия: «Должен был наступить XX век, «век перевода» (как его теперь нередко называют на Западе), эпоха всесторонних и все расширяющихся международных контактов, чтобы самый размах переводческой деятельности определил необходимость в систематическом обобщении накопившегося колоссального опыта...» [9, с. 156].

Своеобразный подход к данному вопросу наблюдается в работе Д.М. Буланина. С одной стороны, в его труде (в отличие от А.В. Фёдорова) утверждается, что при анализе трудов средневековых писателей можно говорить о «единой для них теории перевода» [4, с. 24]. С другой стороны, исследователь отмечает: «Ближайшее знакомство с соответствующими высказываниями убеждает, что мы имеем дело не с теорией как системой логически

связанных суждений, а с выводами из нескольких философских постулатов, определяющих природу текста и обязательных для всякого, кто берётся за перо<...> Теория перевода оказывается одной из форм исповедания веры, так что точнее было бы говорить не о теории, а о доктрине» [4, с. 26–27].

Отметим, что в зарубежном переводоведении термин «теория» используется нередко в более общем значении – как синоним рассуждений о переводе в целом. Так, в сборнике, опубликованном под редакцией С. Басснетт, соответствующий раздел, начинающийся с античной эпохи, именуется ‘History of Translation Theory’ [12].

Приведённые факты (а их число можно было бы легко увеличить) наглядно свидетельствуют о том, что взаимоотношения между достаточно важными терминами, входящими в понятийный аппарат отечественного переводоведения, требуют определённого уточнения.

Не претендуя, естественно, на окончательное разрешение указанного вопроса, мы хотели бы изложить свои соображения по некоторым относящимся к нему аспектам.

Однако вначале представляется целесообразным коснуться ещё одного понятия, на наш взгляд, играющего достаточно важную роль в разработке историко-переводческой проблематики. Речь идёт о тех или иных переводческих традициях, складывавшихся в определённые периоды развития межъязыковой коммуникации в различных ареалах.

Применительно к истории языковедения понятие *традиций* было подробно рассмотрено в известной работе В.М. Алпатовой, в которой, в частно-

сти, отмечалось: «Все лингвистические традиции создавались для решения практических задач<...> Всегда перед создателями традиций стояли конкретные практические задачи» [2, с. 15]. Естественно, что аналогичным образом дело должно было обстоять и в интересующей нас сфере: появлению попыток осмыслить процесс и результат перевода должна была неизбежно предшествовать определённая деятельность в указанной области, необходимая для накопления фактического материала. Однако, при всей тривиальности приведённой констатации, считаем нелишним коротко остановиться на некоторых связанных с ней моментах.

Прежде всего, хотя связь между двумя отмеченными аспектами представляется очевидной (вспомним приведённую выше цитату А.В. Фёдорова, уязвляющего формирование теории перевода с тем, что «самый размах переводческой деятельности определил необходимость в систематическом обобщении накопившегося колоссального опыта» [9, с. 156]), абсолютно прямая зависимость между двумя отмеченными факторами наблюдается (поскольку речь идёт о прошлом исследуемой области) далеко не всегда. Наглядным примером может служить средневековая сирийская культура. Известно, что «размах переводческой деятельности» у сирийцев был весьма велик (достаточно вспомнить слова С.С. Аверинцева: «Сирийцы – это народ толмачей...» [1, с. 8]); более того, их переводческая деятельность сыграла огромную роль в дальнейшем развитии мировой цивилизации (по замечанию того же С.С. Аверинцева, «если бы они... не принялись так рьяно

переводить полюбившегося им Аристотеля на свой собственный язык, мысль учёных арабского халифата, а позднее и западноевропейских схоластов лишилась бы своего важнейшего стимула» [1, с. 18–19]). Однако, если обратиться к фундаментальному исследованию Н.В. Пигулевской, посвящённому сирийской культуре [7], в которой достаточно большой раздел отводится филологической (в том числе грамматической и переводческой) деятельности, бросается в глаза следующий факт. Если, как отмечает автор, «история грамматических учений у сирийцев представляет большой интерес» [7], то относительно переводческой мысли последних в работе упоминается, по существу, только высказывание врача и философа Сергия Рейшанского, который в предисловии к одному из своих переводов «сформулировал задачи, которые ставил перед собой. Самым тесным образом связывает он сирийскую версию с греческим текстом, заботясь лишь о том, чтобы ничего не было опущено или добавлено, по сравнению с ‘написанным философами’» [7]. Можно отметить в данном случае явный контраст, например, с древнеримской литературой, где рассуждения о переводе «отметились» многие её представители.

Хотя представляется вполне естественным трактовать переводческую традицию, в первую очередь соотнося её с «национальным» (в широком смысле слова) моментом, в определённые исторические эпохи дело может обстоять несколько сложнее. Наиболее наглядным примером могут служить – как на это уже неоднократно указывалось – различные ареалы средневекового мира, где во многих случа-

ях предпочитают говорить не столько об этноязыковой, сколько о религиозно-языковой традиции (латинской – для католической Европы, церковнославянской – для православно-славянского мира (Slavia Orthodoxa, в терминологическом варианте Р. Пиккио), арабской – для мусульманского Востока и т. д.). В связи с этим иногда высказывалась точка зрения, согласно которой применительно к средневековой литературе вообще нецелесообразно говорить об «узконациональном подходе» [4, с. 20], поскольку «народы, принадлежащие к одной церкви, связывали обычно единый для них язык культуры и написанную на нём литературу» [4, с. 19]. При всей правомерности подобной констатации, не следует всё же упускать из виду, что «обычно» отнюдь не означает «непрерывно». При изучении, скажем, грузинской переводческой традиции без «узконационального» подхода едва ли можно обойтись, поскольку никакой другой язык, кроме древнелитературной формы самого грузинского, как «язык культуры» (в данном случае – переводной) практически не выступал, хотя «принадлежность к одной церкви» (православной) с Византией и использование в качестве исходного языка (как и в регионах Slavia Orthodoxa), по преимуществу, именно греческого сомнений не вызывают.

С другой стороны, требует оговорки и встречавшаяся в специальной литературе точка зрения, согласно которой наличие в средние века достаточно жёсткой языковой иерархии (речь идёт в данном случае о европейском ареале) означало, что «в терминологическом смысле этого слова в средние века не существовало перевода на народный

язык. Перевод как метод соотношения разноязычных текстов применялся только к текстам на классических языках: с греческого на латинский, с арабского на латинский» [5, с. 58]¹. Однако, по нашему мнению, абсолютизировать данный тезис опять-таки было бы некоторым упрощением: достаточно вспомнить складывавшуюся в раннесредневековой Англии (хотя и прерванную впоследствии норманнским завоеванием) переводческую традицию, один из виднейших представителей которой – Эльфрик – оставил ряд размышлений о переводе. При этом, как отмечалось исследователями, их автор ясно даёт понять, что они отнюдь не были единственными теориями перевода, существовавшими в этот период ('Aelfric makes it evident that his were not the only theories of translation which the period afforded' [11, p. 7]).

Использование исследовательницей слова «теория» применительно к средневековым суждениям о принципах межъязыковой коммуникации вновь возвращает нас к тому, с чего начинается предлагаемая статья – к вопросу о правомерности применения указанных выше понятий в качестве аппарата при изучении тех или иных этапов развития перевода и переводческой мысли. Причём, как мы видели, наиболее дискуссионным представляется именно термин «теория», который иногда либо фактически отвергается, как это имеет место у А.В. Фёдорова,

¹ Заметим, что, на наш взгляд, процитированное высказывание несколько противоречит содержащемуся в том же труде утверждению о наличии в данный период «клерикальной литературы, представленной более или менее 'строгими' последовательными переводами на народный язык письменных латинских источников» [5, с. 58].

либо весьма существенно модифицируется, подобно тому, как это наблюдается в труде Д.С. Буланина. Действительно, если исходить из постулата, что в наследии средневековых книжников «мы имеем дело не с теорией как системой логически связанных суждений», то насколько вообще допустимо применение данного понятия, которое – если следовать определению, на которое, между прочим, ссылается и С. Матхаузера – обозначает форму научного знания о некоторой совокупности объектов, представляющую собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств?

Думается, однако, что, говоря о «средневековых теориях перевода», использующие данное словосочетание исследователи имеют в виду несколько иное понимание теории, трактуемой в широком смысле как «комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение каких-либо явлений» [8]. В такой трактовке, вероятно, использование указанного термина (как мы видели, широко применяемого в зарубежной науке) представляется вполне допустимым, хотя – учитывая высказанные А.В. Фёдоровым сомнения – возможно, лучше говорить о теоретических взглядах / воззрениях / высказываниях и т. п.

Два других предлагаемых А.В. Фёдоровым понятия сами по себе едва ли вызовут какие-либо возражения, однако позволим себе их также несколько уточнить. Думается, что всё же целесообразно разграничивать понятия «взгляды» и «концепции», поскольку вторые подразумевают наличие той или иной оформленной системы связанных между собой взглядов, тог-

да как первые могут высказываться спорадически и носить характер попутных замечаний (однако придется признать, что применительно к большинству средневековых авторов их концепции как раз и приходится обычно воссоздавать на основе такого рода отдельных замечаний, высказанных ими по тому или иному поводу).

Что касается определения «нормативная» (концепция), то оно, очевидно, должно было подчеркнуть различие между оценочным и объективным подходами, поскольку именно последний и считается одним из наиболее показательных критериев научного анализа объекта. Однако, справедливости ради, можно заметить, что элементы «нормативности» присущи в той или иной форме и подавляющему большинству работ, принадлежащих классикам отечественного переводоведения, в «научности» которых едва ли можно усомниться. Указанный момент дал в своё время Л.С. Бархударову (с чем, в принципе, согласился в последнем прижизненном издании своей книги и А.В. Фёдоров) возможность определить теорию перевода как «двустороннюю, дескриптивно-прескриптивную дисциплину, в которой ведущим является дескриптивный аспект, а прескриптивный играет подчинённую, но, тем не менее, весьма существенную роль» [3, с. 42].

В заключение отметим, что во второй половине XX столетия словосочетание «теория перевода» могло применяться в несколько своеобразном значении, подчёркивая подход к изучению объекта с позиций разных филологических дисциплин. В связи с этим говорилось о *литературоведческой* и *лингвистической теории перевода*,

хотя в пределах той и другой имели место достаточно существенные различия. Однако рассмотрение этого вопроса выходит за пределы задач настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. // Многоценная жемчужина: литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. / Пер. с сир. и греч., сост., предисл. и коммент. С. Аверинцева. М.: Художественная литература, Ладомир, 1994. 477 с.
2. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 240 с.
4. Буланин Д.С. Древняя Русь // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII. Том I. Проза. СПб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1995. С. 17–73.
5. Волкова З.Н. Средневековый перевод и его лингвистическая проблематика // Тетради переводчика. Выпуск 18. М.: Международные отношения, 1981. С. 46–59.
6. Матхаузорова С. Древнерусские теории искусства слова // Acta Universitatis Carolinae Philologica. T. 63: Monographie. Praha, 1976. 146 с.
7. Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М.: Наука, 1979. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/pigulevskaya_n/kultura_siriycev_v_srednie_veka/read/ (дата обращения: 20.01.2014).
8. Словарь терминов и понятий по общественнознаанию / Автор-составитель А.М. Лопухов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL:

- <http://ponjatija.ru/node/9764> (дата обращения: 20.01.2014).
9. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1983. 352 с.
  10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
  11. Amos F.R. Early Theories of Translation. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.translationindustry.ir/Uploads/Pdf/Early%20Theories%20of%20Translation.pdf> (дата обращения: 21.01.2015).
  12. Bassnett S. Translation Studies. London and New-York: Routledge, 2003. 176 p.